

На правах рукописи

ХВОРОСТИН Денис Владимирович

**СКРЫТЫЕ КОМПОНЕНТЫ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ:
ПРИНЦИП ВЫЯВЛЕНИЯ**

Специальность 10.02.19 — теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Челябинск — 2006

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет» на кафедре теории языка.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Шкатова Людмила Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Нефёдова Лилия Амиряновна

кандидат филологических наук,
доцент
Киуру Константин Валерьевич

Ведущая организация: Сургутский государственный университет

Защита состоится 26 июня 2006 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д.212.296.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет» по адресу: 454021, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Челябинского государственного университета.

Автореферат разослан 25 мая 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

С. А. Питина

Реферируемая диссертация посвящена исследованию механизма восстановления скрытых компонентов смысла высказывания. Природа языка и процесс коммуникации, следовательно, представляют собой диалектическое единство, и описание одного обязательно требует учета второго, однако организация знаний и способы их представления в языке стали объектом лингвистического исследования лишь относительно недавно.

Понимание того, что взаимосвязанность объектов и явлений действительности находит отражение во взаимосвязанности представлений о мире и в тезаурусе конкретного языка, явилось одной из причин усиления интереса лингвистов к проблеме скрытых компонентов смысла, или имплицитного в речи. Стало очевидным, что наибольшую сложность в описании речевой деятельности представляет то, что простая сумма значений отдельных элементов словесной коммуникации не исчерпывает доставляемой ими информации.

Стоит отметить, что в подавляющем большинстве исследований скрытых компонентов смысла устанавливается лишь наиболее вероятный подтекст отдельного высказывания или ограниченного ряда высказываний. Более того, скрытые компоненты смысла до сих пор не изучались вне условий конкретной речевой ситуации, хотя многое указывало на необходимость именно такой постановки вопроса.

Актуальность реферируемой работы обусловлена назревшей необходимостью в переходе от анализа разрозненных языковых фактов к комплексному исследованию имплицитного в речи, что позволит не только объединить и унифицировать знания, накопленные в различных областях, но и смоделировать процесс восстановления скрытых компонентов смысла.

Целью исследования является определение принципа выявления скрытых компонентов смысла, лежащего в основе механизма интерпретации высказывания на естественном языке.

Для достижения этой цели решались следующие **задачи**:

1) анализ существующих подходов к изучению имплицитного в речи (в рамках лингвистики, а также философии, логики, психологии и т. д.), обобщение представлений об изучаемом явлении, выявление и определение концептуальной значимости тенденций в его исследовании;

2) определение и разграничение отдельных понятий и категорий (пресуппозиция, импликация, импликатура, имплицитность);

3) построение на основе анализа языкового материала теоретической модели, отражающей механизм интерпретации высказывания на естественном языке;

4) апробация предложенной модели на конкретном языковом материале, определение возможных путей ее расширения.

Объектом исследования являются неявные компоненты смысла высказывания.

Предмет исследования — процесс восстановления слушающим неявной информации вне ситуативной и жанровой отнесенности.

Материалом исследования послужили фрагменты текстов различной протяженности, стилей и жанров.

В работе использовались как общенаучные (описание, интерпретация текста, моделирование), так и частные лингвистические (компонентный анализ, функциональный анализ, контент-анализ, пропозициональный анализ структуры текста, формально-трансформационные процедуры выявления и идентификации элементов бинарной оппозиции, элементы анализа по непосредственно составляющим, метод вычеркивания) **приемы и методы**.

В ходе исследования автор опирался на достижения отечественного и зарубежного языкознания:

— языковой процесс как процесс познания, язык как механизм познания, различие языкового и внеязыкового сознания (Н. Д. Арутюнова, В. фон Гумбольдт, Т. А. ван Дейк, Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, Г. П. Мельников, А. А. Потебня, Ю. А. Сорокин и др.);

— объективность объекта изучения («восприимчивость», «осязаемость», «материальность» знака) (Г. П. Мельников, Е. В. Сидоров, В. М. Солнцев, Е. Ф. Тарасов и др.);

— предикативность как особое обобщающее свойство предложения (А. С. Бархударов, В. В. Виноградов, В. А. Курдюмов, А. А. Леонтьев, А. М. Пешковский, А. И. Смирницкий, А. М. Шахнарович и др.);

— лексические, морфологические и др. значения как производные от значений предикативных синтаксических единиц (Л. Блумфилд, Э. Кассирер, В. А. Курдюмов, Е. Курилович, Дж. Лайонз, И. Н. Мещанинов, З. С. Харрис, Ч. Ф. Хоккет и др.);

— наличие в любом высказывании неявной информации, не сводимой к сумме значений входящих в синтаксическую конструкцию компонентов (И. В. Арнольд, В. В. Виноградов, К. А. Долинин, Л. А. Исаева, Г. В. Колшанский, М. В. Никитин, Л. В. Щерба и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Смысл высказывания не сводим к сумме значений составляющих его компонентов; он представляет собой гештальт, первичный по отношению к значению.

2. Содержательная сторона высказывания (смысл) не ограничивается фрагментом действительности, а отражает представление говорящего о действительности в целом, которое может быть вербализованным или имплицитным.

3. Восстанавливая скрытые компоненты смысла высказывания, слушающий исходит из того, что фрагменты действительности, представленные в содержательной стороне высказывания имплицитно, противопоставлены вербализованной ситуации. Принцип выявления скрытых компонентов смысла высказывания заключается в построении высказываний, антонимичных данному, благодаря чему восполняется недостающая информация.

4. Лингвистический принцип выявления скрытых компонентов смысла заключается в рассмотрении взаимосвязи компонентов изолированного высказывания в рамках формального анализа предложения.

Научная новизна исследования заключается в том, что процесс восстановления слушающим скрытой информации впервые описывается вне отнесенности к действительности, вне ситуативной и жанровой отнесенности; в том, что впервые показаны существенные характеристики имплицитного в речи, взаимная обусловленность имплицитного в речи и языковой системы.

Результаты исследования могут быть полезны для теории коммуникации, лингвокультурологии, психолингвистики и ряда других перспективных направлений в современной лингвистике, что определяет ее **теоретическую значимость**.

Практическая значимость. Основные положения работы могут быть использованы при разработке теоретических (теоретическая грамматика, стилистика и др.) и практических (юрислингвистика, связи с общественностью и др.) курсов, а также в практике редактирования текстов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в опубликованных работах. Ряд выводов научного исследования обсуждались на докладах на международных научных конференциях: «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2003 г.), «Лингвистические парадигмы и лингводидактика» (Иркутск, 2005 г.), «Речевая агрессия в современной культуре» (Челябинск, 2005 г.), «Языки профессиональной коммуникации» (Челябинск, 2005 г.), на Всероссийских научных конференциях: «Актуальные проблемы современной лингвистики» (Ростов-на-Дону, 2005 г.); «Лазаревские чтения: Традиционная культура сегодня: теория и практика» (Челябинск, 2006 г.), на научной конференции молодых ученых, аспирантов и соискателей «Молодежь в культуре и науке XXI века» (Челябинск, 2004 г.).

Структура диссертации соответствует содержанию решаемых исследовательских задач. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Введение содержит обоснование выбора темы диссертационного исследования, ее актуальности и научной разработанности. В нем также определяются объект, предмет, цели и задачи, раскрывается научная новизна выносимых на защиту положений, показывается теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «**Имплицитное содержание высказывания как предмет исследования**» рассматриваются теоретические предпосылки единой концепции имплицитного в речи и ее исходные положения. К наиболее важным исходным теоретическим предпосылкам автор относит переход в лингвистике от изучения структуры языка к изучению его функционирования. Начало изучения имплицитного в речи было положено статьей С. О. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (1929), хотя отдельные фрагменты, касающиеся имплицитного в речи, легко отыскать во многих лингвистических трудах. Взаимная неоднозначность соответствия плана выражения и плана содержания отмечалась в работах Ш. Балли, М. М. Бахтина, В. Н. Волошинова, Л. С. Выготского, А. А. Потебни и ряда других ученых. Тем не менее, до середины XX века работы в данном направлении не имели продолжения.

Среди публикаций, в которых проблеме имплицитного уделено достаточно серьезное внимание, стоит отметить следующие: Арутюнова 1973, 1976; Багдасарян 1983; Беллерт 1978; Вимер 2000; Волошинов 1930; Гак 1979; Гальперин 2005; Дементьев 2000, 2001, 2002; Зализняк 2004; Киселев 2001, 2003; Кобозева 1988; Никитин 1988; Падучева 1996 и др. Между тем, исследований, охватывающих проблему во всей ее полноте или хотя бы намечающих синтез различных аспектов, до сих пор мало. К ним относятся, в первую очередь, Долинин 1983, 1985; Звегинцев 1976; Лисоченко 1992; Нефедова 2001; Тарасов 1979; коллективная монография «Имплицитность в языке и речи» 1999; Ducrot, 1969, 1972; Fillmore 1971; Todorov 1982.

Следует отметить, что на становление собственно лингвистической концепции имплицитного повлияло осмысление этого феномена в рамках других научных дисциплин, прежде всего философии.

В конце XIX — начале XX вв. объектом пристального внимания логиков стало значение предложения. Так, Г. Фреге обратил внимание на необходимость различать в семантике высказывания то, что в нем утверждается, и то, что составляет предпосылку суждения. Эта предпосылка не входит в смысл высказывания. Позднее к дихотомии сообщаемого и предпосылок сообщения обратился П. Стросон. Особый вид импликации, на который ссылается П. Стросон, позднее стало принято называть *пресуппозицией*.

Значительные усилия логико-лингвистической мысли были направлены на отличие пресуппозиции от логического следования и импликации. Если отношения логического следования характеризуются тем, что истинность или ложность одной пропозиции обуславливает истинность или ложность другой пропозиции, то основным свойством пресуппозиции является константность при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях, а также при обращении в придаточное предложение.

Дж. Катц и П. Постал применили понятие пресуппозиции к описанию вопросов. Пресуппозицию вопроса составляют те условия, которые адресат принимает как данное. Позднее Э. Кеенан определил пресуппозицию вопроса как логическое следствие всех возможных ответов на соответствующий вопрос.

А. Бейкер классифицирует сложные предложения в соответствии с тем, как распределено их содержание между утверждаемым и пресуппозициями. Содержание некоторых типов придаточных, например, придаточных времени, согласно его концепции, не входит в утверждаемое, составляя для него лишь необходимую предпосылку. Неоднородность коммуникативного содержания субстантивных (субъектных и объектных) придаточных показали П. и К. Кипарские. Эти разряды зависимых предложений могут обозначать либо то, что говорящий принимает как пресуппозицию, либо то, что непосредственно утверждается или отрицается в данном высказывании.

В отличие от логиков, представители «философии обыденного языка» (Г. Райл, Дж. Остин, Дж. Уисдом, П. Стросон) обозначали термином «пресуппозиция» те ситуативные условия, которым должно удовлетворять реальное высказывание. Тем самым произошел сдвиг объекта исследования в сферу взаимодействия языка и культуры. Определение пресуппозиции строится теперь через обращение к понятию уместности предложения в данном контексте, а предложение с ложной пресуппозицией рассматривается как семантически аномальное, пустое (Дж. Остин) или образующее «истинностный пробел» (У. Куайн).

В качестве рабочего в реферируемой диссертации принимается следующее определение: *пресуппозиция* — предпосылка для высказывания, подразумевающее существование тех объектов действительности, о которых говорится в высказывании.

Включенные в некоторую ситуацию общения, коммуниканты «ведут себя» с оглядкой на ситуацию диалога, но и ситуация диалога меняется с каждым новым речевым действием. В связи с этим Л. В. Лисоченко отводит активную роль в процессе коммуникации как говорящему, так и слушающему. Для порождения и восприятия содержания (смысла) текста в полном его объеме необходимо привлечение дополнительных, находящихся вне текста, факторов. К таким факторам относятся презумпция общения (пресуппозиционные знания

коммуникантов), актуальная для данного речевого акта. Соответственно, имплицитное понимается как общие знания говорящего и слушающего о свойствах языка, традициях, речевом этикете, культурных коннотациях, речевых стратегиях говорящего (фоновые знания).

В свою очередь, любая ситуация общения неразрывно связана с культурной средой: представляя собой элемент культуры, диалог строится с учетом норм и запретов и в то же время является средством сохранения и/или изменения культуры. Культурой обусловлены фоновые знания коммуникантов; их полное совпадение невозможно (что, с одной стороны, создает предпосылки для коммуникации, а с другой, является одной из причин коммуникативных неудач).

Ключевое значение для осмысления феномена имплицитности сыграл принцип кооперации Г. П. Грайса, в основании которого лежит предположение, что участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общую цель: достижение взаимопонимания. Коммуникативные постулаты позволяют выводить из прямого смысла высказывания коммуникативные *импликатуры*, понимаемые нами как компоненты содержания высказывания, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» в нем слушающим в контексте речевого акта. В отличие от пресуппозиций, импликатуры не конвенциональны и не зависят от языка. С понятием импликатуры тесно связано понятие *импликации*. Последнее мы определяем как логическую операцию, которой в естественном языке соответствует связка «если..., то...».

Дальнейшие исследования имплицитного в речи были посвящены определению природы несоответствия между планом выражения и планом содержания: скрытые компоненты смысла порождаются потребностями речевой коммуникации — стремлением экономно выразить мысли (Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, Н. Ю. Шведова, Е. И. Шендельс и др.) или же нежеланием автора нести ответственность за открыто произнесенное высказывание (Е. Ю. Булыгина, Х. Вайнрих, Н. Д. Голев, В. В. Дементьев, Н. А. Купина и др.).

М. В. Никитин, О. С. Сыщиков определяют подтекст как результат имплицирования информации. К. А. Долинин также отмечает возможность «запланированности» имплицитного содержания сообщения адресантом [Долинин 1983]. О. С. Иссерс отмечает, что коммуникативные ходы могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. В последнем случае можно говорить о косвенных речевых актах [Иссерс 2002].

О. Дюкро вводит оппозицию «преднамеренность/непреднамеренность порождения имплицитного содержания», что позволяет выделить два типа имплицитности: непреднамеренную (говорящий не вкладывает в свою речь

дополнительный скрытый смысл; реципиент обнаруживает его в силу своего личного восприятия) и преднамеренную (адресант намеренно передает часть информации между строк).

Идея возможной преднамеренности имплицитного в речи стимулировала интерес исследователей, с одной стороны, к имплицитному как к художественному приему, с другой стороны, к имплицитному, лежащему в основе приемов речевого воздействия.

Во многих случаях значимость именно имплицитной информации для достижения перлокутивного эффекта настолько значительна, что можно говорить о языковом манипулировании сознанием — использовании особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении. Говорящий «навязывает» слушающему определенное представление о действительности, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающие с тем, какие слушающий мог бы сформировать самостоятельно (А. Н. Баранов, О. С. Иссерс, И. П. Лапинская, И. С. Плохинова и др.).

По мнению Ю. К. Пироговой, построению импликатур рекламного дискурса (ложных умозаключений) способствуют особенности восприятия, интерпретации и запоминания человеком информации. Среди них выделяются: общекогнитивные особенности; особенности, специфичные для массового сознания; особенности, проявляющиеся в рекламном дискурсе.

В число общекогнитивных особенностей входят избирательное восприятие информации (человек склонен в первую очередь замечать те сообщения, которые связаны с имеющимися у него в данный момент потребностями или же появление которых он ожидает, либо которые резко контрастируют с остальными сообщениями), избирательное искажение информации (человек склонен трансформировать информацию таким образом, чтобы она поддерживала, а не оспаривала его уже сложившиеся представления), избирательное удержание (запоминание) информации (информация запоминается лучше, если она появляется в начале и в конце сообщения, многократно повторяется в сообщении или же поддерживает отношения и убеждения человека).

Тем не менее, *не все*, что неявно присутствует в высказывании, может отвечать на вопросы: *что говорящий имеет в виду? каков подтекст его слов?* Интерпретатор может «видеть» в высказывании смыслы, которые говорящий (пишущий) в него не закладывал. Источники имплицитной информации столь разнообразны, что далеко не всегда они принимаются во внимание говорящим, поскольку он может не вспомнить о какой-то ассоциации, вызываемой данным словом. В связи с этим в семантике принято различать импликатуры

говорящего — имплицитную информацию, которую «закладывает» говорящий, и инференции — то, что «извлекает» слушающий [Зализняк 2004].

В конце XX в. предпринимается попытка объяснить общий механизм возникновения имплицитного содержания высказывания и выявить важнейшие лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие его возникновению. Между тем, задача исследования, как правило, сужается до установления наиболее вероятного подтекста того или иного сообщения для определенной категории получателей, находящихся в определенных условиях.

В некоторых работах высказывается мысль, что подтекст вообще связан с «неправильностями» в речевом поведении. По мнению Ц. Тодорова, имплицитное содержание сопряжено с наличием в тексте «лакун» — пропусков, недоговоренностей, неясностей, противоречий, нарушений норм коммуникации. Адресат интерпретирует сегмент текста, содержащий аномалию, опираясь на «презумпцию уместности». По К. А. Долинину, в тексте может быть формально не выражен некий факт или же логическая связь между высказываниями и сообщаемыми фактами. Помимо лакун, возможны несоответствия высказывания деятельностной ситуации, роли адресата, основным параметрам коммуникативной ситуации.

С другой стороны, лакуны в тексте рассматриваются как проявление тенденции к компрессии текста. Сокращение высказываний описывается различно. Так, в исследованиях Е. И. Шендельс противопоставляются имплицитное («невыраженное») и эллипсис («сокращенное»). К. Кожевникова, напротив, не разграничивает явления имплицитности и эллипсиса. Она различает два вида имплицитности: имплицитность, основанную на логических связях выраженного содержания, и имплицитность, основанную на контекстуальных связях. И. Беллерт, К. А. Долинин различают выводы, основанные на знании языка сообщения и на «знании мира» (в типологии К. А. Долинина это соответственно коммуникативный и референциальный подтексты).

В настоящий момент в лингвистике скрытые компоненты смысла изучаются в свете когнитивно-коммуникативного подхода к языку (Л. А. Нефедова, Г. К. Хамзина). Так, имплицитность рассматривается как одна из важнейших речевых универсалий (Г. К. Хамзина). Поскольку это явление возникает в результате тесного взаимодействия языковых и речевых факторов, имплицитность рассматривается как языковая универсалия (Ю. М. Скребнев).

Имплицитность — языковая категория, подразумевающая отсутствие вербализованных компонентов плана выражения, соотносимых с некоторыми компонентами плана содержания. Вслед за К. А. Долининым, мы отказываемся от вычленения отдельных видов имплицитного содержания высказывания, что

обусловлено прежде всего целью исследования — определением принципа выявления скрытых компонентов смысла высказывания.

Во второй главе «**Принцип восполнения неявной информации**» моделируется процесс объективации неявных компонентов смысла. Несмотря на то, что отсутствие соответствия между планом выражения и планом содержания может быть вызвано как лингвистическими, так и нелингвистическими причинами, в большинстве случаев перенос высказывания из одной ситуации общения в другую не влияет на перлокутивный эффект. Так, возможная реакция «*Только сегодня?*» на комплимент «*Ты сегодня прекрасно выглядишь*» не обусловлена контекстом.

В этом отношении важно отметить, что именно отклонение от «обычного» положения дел является причиной для инициации процесса коммуникации. По нашему мнению, для понимания того, каким образом представление говорящего о действительности «сворачивается», необходимо рассмотреть сущность процесса номинации.

Называя что-либо, человек не просто устанавливает некоторую связь между означаемым и означающим, он создает картину мира, структурирует ее. В языках номинативного строя имя выделяет, отграничивает какой-то объект, ставит предел между *тем, что названо*, и *тем, что не названо*. Если для нелингвиста имя «*тигр*» означает дикого хищного зверя (значение как объем), то для лингвиста само существование этого имени должно означать прежде всего факт выделения некоей *сущности* из *множества сущностей* (значение как вектор).

Эта идея формулируется нами в виде правила логического вывода:

1. Если верно, что говорящим вербализовано имя N, то также верно, что существует, *как минимум*, один объект, от которого отграничен объект, обозначенный именем N.

Аналогичным образом любое слово, обладающее признаком адъективности, имплицитно подразумевает существование подобного объекта, но с другими свойствами: причастие (*пишущий человек*), местоимение (*мой карандаш*), имя существительное (*запах дерева*).

Словосочетание «*зеленая трава*» означает, что не вся трава — зеленая, она может быть и иного цвета. В противном случае, не было бы смысла обозначать словосочетанием то, что можно было бы без ущерба для смысла обозначить одним словом. Если бы действительно вся трава была *только* зеленая, а данное словосочетание использовалось, то это противоречило бы принципу экономии речевых усилий.

2. Если верно, что говорящим вербализована характеристика A объекта N, то также верно, что во множество объектов, обозначенных именем N, *как минимум*, входит такой объект, который обладает признаком -A.

Лучше всего идея неединственности, неуникальности прослеживается в высказываниях типа «*В маленьком купе первого класса, которое я заказал заранее, шумно лил дождь по крыше*» [И. А. Бунин] (есть купе других классов); «*Новый виток твоей красоты*» (этот виток красоты не единственный).

С другой стороны, вербализация характеристики объекта уместна в том случае, если иные объекты, не составляющие с описываемым объектом единого класса, не обладают этой же характеристикой. Так, словосочетание «*зеленая трава*» возможно только тогда, когда говорящий воспринимает объекты иных цветов. Словосочетание «*каменный дом*» потеряло бы смысл, если бы все было каменным.

3. Если верно, что говорящим вербализована характеристика А объекта N, то также верно, что большая часть объектов, не обозначенных именем N, не обладает признаком А.

Потребность в выражении идеи процесса или состояния стала причиной разделения имени и глагола. Есть основания полагать, что изначально функции современного имени (обозначение сущности) и современного глагола (указание на действие, совершаемое этой сущностью, или ее состояние) были слиты в одном звукокомплексе. Можно предположить, что, переложив эти первичные звукокомплексы на современный язык, мы получили бы высказывания типа «это есть *x*», «это есть *y*». Потребность в обозначении не только некоего объекта, его существования, но и того процесса, который соотносился с этим объектом, и стала причиной развития категорий имени и глагола: имя выделяет объект действительности из множества всех объектов, констатирует существование этого объекта, глагол показывает изменения, происходящие с этим объектом. Если неким объектом совершается действие V, но параллельно это действие совершается также всеми другими объектами, потребности в вербализации этого действия нет.

4. Если верно, что говорящим вербализован процесс V, соотносимый с объектом N, то также верно, что большая часть объектов, не обозначенных именем N, не соотносится с процессом V.

Приведем следующий пример. В гипотетической ситуации обороны одновременно рушатся стены крепости. Тогда фраза «*Левое крыло рушится*» неуместна, поскольку рушатся все стены. Более уместно в этом случае вместо указания на единичный объект использовать обобщающее слово, наиболее употребительное из которых в русском языке — «*все*».

Поскольку характер совершаемых действий различен, часто вербализуется и образ действия. Потребность в этом возникает в том случае, если характер некоего действия, совершаемого одним объектом, отличается от «обычного» характера совершения этого действия. Так, наречие во фразе «*Лодка плыла быстро*» необходимо только в одном из двух случаев. Во-

первых, если обычно эта лодка не плавает быстро (в этом случае потребовалось бы уточнение «как обычно», «как всегда»). Во-вторых, если не все плывущие объекты перемещаются с подобной скоростью.

5. Если верно, что в глагольной группе VP есть материально выраженное описание образа действия Adv_m, то существует как минимум еще один способ совершения этого действия — -Adv_m.

6. Если верно, что в глагольной группе VP есть материально выраженное описание образа действия Adv_m, то также верно, что большая часть объектов, противопоставленных соотносимо с действием V объекту N, совершают это действие иным(и) способом(ами) — -Adv_m.

«Через десять лет <...> Хьюз перебрался в маленький городок Лас-Вегас и начал скупать пустыню в штатах Техас и Невада. А скупив изрядную площадь, он отстроил там промышленную империю и стал жить в изоляции по им же одним установленным правилам» (жить можно не только по своим правилам); *«Биографы часто пишут, что в детстве Леонардо <Ди Каприо> безотцовщиной “слонялся по голливудским трущобам” и видел ужасы улиц»* (слоняться по голливудским трущобам можно не только безотцовщиной).

Имплицирование через распространение глагольной группы сходно с имплицированием через распространение именной группы: чем более распространена группа, тем больше число возможных интерпретаций.

Особое внимание в работе уделяется глаголам типа «вернуться», «проснуться», «помириться», «воскреснуть», «восстановить», «возродить», «отремонтировать», «отреставрировать», «выздороветь», «успокоиться», общее значение которых — ‘привести в прежнее состояние’; ‘вернуть(ся) в прежнее состояние’. Поскольку использование этих глаголов уместно только в том случае, если было отклонение от нормы, высказывание, их содержащее, соотносится с тремя ситуациями. Первая ситуация — норма (M_p или M_n), вторая — «отклонение» от нормы (M_p или M_f), третья — возвращение к норме (M_n или M_f).

«В Киеве отреставрировали самолет, на котором человек впервые долетел до Северного полюса» (самолет, на котором человек впервые долетел до Северного полюса, был некоторое время назад в аварийном состоянии); *«В Эль-Фаллудже ВС США договорились с суннитами о перемирии, сообщает лента новостей Ha'aretz со ссылкой на катарский телеканал “Аль-Джазира”»* (некоторое время назад ВС США находились в состоянии войны с суннитами); *«Я упорно пытался вспомнить хоть что-нибудь об этой автокатастрофе, просто голова распухла»* [Р. Желязны] (некоторое время назад говорящий не знал (помнил) об автокатастрофе). В глаголах этого типа наиболее отчетливо прослеживается связь с тремя ситуациями, разведенными во времени. Полиситуативность, зафиксированная в семантике подобных глаголов, сохраняется и при образовании от них прилагательных: *«Премьера*

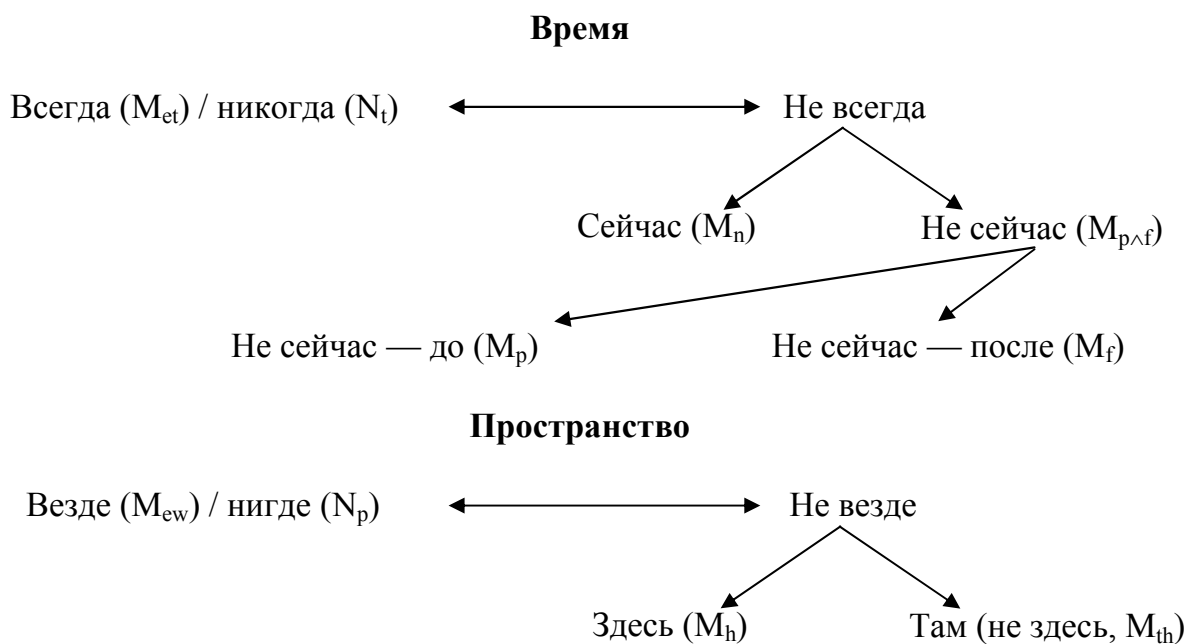
отреставрированной версии знаменитого советского кинофильма 1925 года «Броненосец Потемкин» состоится на Берлинском кинофестивале»; «Наблюдение за проснувшимся вулканом прервано из-за аварии на сейсмостанции».

О взятом в отдельности материальном объекте нельзя сказать, что он существует. Ситуация образуется в результате пространственно-временной координации материальных объектов и их состояний. Но содержательная сторона высказывания не ограничивается фрагментом действительности (ситуацией), а отражает представление говорящего о действительности в целом (совокупности ситуаций). Поскольку речь есть реализация языковых потенциалов, язык может быть определен как полиситуативное пространство.

Любое высказывание на естественном языке обязательно содержит указание на то, ограничен ли описываемый фрагмент действительности во времени и пространстве. Если он ограничен, то промежуток времени и область пространства проговариваются, чем указывается, что описываемое в высказывании положение дел имело место не всегда и не везде.

Схема 1.

Пространственно-временные параметры ситуации

Как промежуток времени, так и область пространства потенциально могут конкретизироваться бесконечно: *вчера* → *вчера вечером* → *вчера вечером, после заката*; *в Челябинске* → *на северо-западе Челябинска* → *в одном из скверов на северо-западе Челябинска* и т. п. Независимо от степени детализации как промежуток времени, так и область пространства рассматриваются слушающим как единое целое. Если в высказывании указывается, что некое действие происходило «*вчера вечером, после заката,*

когда небо еще было кроваво-красным», то «вчера вечером, после заката, когда небо уже не было кроваво-красным» данное действие не совершалось.

Слова «здесь», «сейчас» и противопоставленные им «не здесь», «не сейчас», используются в качестве элементов уравнений. Так, область пространства «под старым тополем в одном из скверов на северо-западе Челябинска» может быть заменена для удобства анализа указателем «здесь» или его логическим эквивалентом — M_h .

Категория времени, по нашему мнению, должна прежде быть описана в бинарной оппозиции «сейчас» — «не сейчас», после чего второй член оппозиции может быть детализован как «не сейчас — до» (прошлое) и «не сейчас — после» (будущее). Такой подход позволяет объединить прошлое и настоящее время в единую категорию, противопоставленную настоящему времени.

Логика времени представлена нами в следующих трех аксиомах:

7. Если ситуация S принадлежит множеству возможных миров «Всегда» (M_{et}), то S принадлежит множеству возможных миров «сейчас» (M_p) и множеству возможных миров «не сейчас» ($M_{p,f}$). Верно и обратное: если S принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и множеству возможных миров «не сейчас», то S принадлежит множеству возможных миров «Всегда» ($S \in M_{et} \Leftrightarrow S \in M_p \wedge S \in M_{p,f}$).

8. Если S не происходит «Никогда» (N_t), то S не принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас», то S не происходит «Никогда» ($S \in N_t \Leftrightarrow \neg S \in M_p \wedge \neg S \in M_{p,f}$).

9. Если S принадлежит множеству возможных миров «сейчас», то S не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас», то S принадлежит множеству возможных миров «сейчас» ($S \in M_n \Leftrightarrow \neg S \in M_{p,f}$).

«Васюки станут центром десяти губерний!» [И. Ильф и Е. Петров] (сейчас Васюки не являются центром десяти губерний). *«Я уже довольно долго просидел в красной комнате, где мне наконец-то удалось растопить камин. Сегодня он не дымит — то ли одумался, то ли просто дрова подсохли»* [А. Мердок] (раньше камин дымил и не растапливался). *«Таких людей, как Ларс Кристенсен, раньше называли коммивояжерами»* (теперь их так не называют).

Далее приводятся аналогичные аксиомы, но в приложении к логике пространства:

10. Если ситуация S принадлежит множеству возможных миров «Везде» (M_{ew}), то S принадлежит множеству возможных миров «здесь» (M_h) и множеству возможных миров «там» (M_{th}). Верно и обратное: если S принадлежит множеству возможных миров «здесь» и множеству возможных миров «там», то S принадлежит множеству возможных миров «Везде» ($S \in M_{ew} \Leftrightarrow S \in M_h \wedge S \in M_{th}$).

11. Если S не происходит «Никогда» (N_p), то S не принадлежит множеству возможных миров «сейчас» и не принадлежит множеству возможных миров «не сейчас». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «здесь» и не принадлежит множеству возможных миров «там», то S не происходит «Нигде» ($S \in N \Leftrightarrow \lceil S \in M_h \wedge \lceil S \in M_{th}$).

12. Если S принадлежит множеству возможных миров «здесь», то S не принадлежит множеству возможных миров «там». Верно и обратное: если S не принадлежит множеству возможных миров «там», то S принадлежит множеству возможных миров «здесь» ($S \in M_h \Leftrightarrow \lceil S \in M_{th}$).

«Здесь, на Северном полюсе, сходятся меридианы, нет обычных сторон света и нет деления на дни и ночи, сутки и месяцы, а солнце по полгода не опускается за горизонт» (за пределами этого места есть деление на дни и ночи, сутки и месяцы). *«В американской пустыне Мохав строится полигон для тренировок морских пехотинцев»* (в других пустынях не строятся полигоны для тренировок морских пехотинцев). *«А ты знаешь, в Нью-Йорке общественный транспорт работает круглые сутки»* (в других городах общественный транспорт не работает круглые сутки).

Различие ситуаций определяет различие смыслов одного и того же словесного выражения. Число возможных ситуаций потенциально бесконечно, стремится к бесконечности и количество интерпретаций, одна из которых может быть актуализирована в процессе реального общения.

«...в ту эпоху, да и до сравнительно недавнего времени, считалось, что дельфин — это вид левиафана» [Г. Мелвилл] (1. сейчас дельфин не считается видом левиафана; 2. дельфин не является видом левиафана); *«Когда АвтоВАЗ планирует начать производство автомобилей?»* (1. в настоящее время АвтоВАЗ выпускает не автомобили; 2. то, что производит АвтоВАЗ, — не автомобили); *«Я вижу, что ты просто хочешь казаться счастливым»* (1. ты несчастлив; 2. ты стремишься не к счастью, а к его видимости).

Обращают на себя внимание и попытки говорящих в ряде случаев свести к минимуму возможность неправильного понимания. В этом случае мы имеем дело с оговорками, уточнениями, перифразами: *«Особенно порадовало меня твое письмо тем, что ты не сомневаешься, что я все еще люблю тебя. “Все еще” здесь неуместно. Моя любовь к тебе живет в каком-то нескончаемом настоящем...»* [А. Мердок]; *«Она была (и сейчас осталась) хорошей актрисой и очень неглупой женщиной. (Эти слова не всегда сочетаются.)»* [А. Мердок]; *«...трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцири. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок»* [М. А. Булгаков]; *«Храните деньги в сберегательной кассе, если они у вас, конечно, есть»*.

Таким образом, принцип выявления скрытых компонентов смысла предполагает построение суждений, антонимичных исходному высказыванию. В ходе работы было выявлено 12 моделей построения подобных высказываний.

В третьей главе **«Опыт анализа текста на основе принципа восполнения неявной информации»** приводится пример анализа конкретного языкового материала с опорой на принцип выявления скрытых компонентов смысла, описанный во второй главе. Для анализа взят конфессиональный текст *«В чем смысл жизни?»* (объем — 10 400 слов), распространяемый адептами секты Свидетели Иеговы. Применение к данному тексту заявленного нами принципа позволяет наглядно продемонстрировать неявные конфликтогенные элементы смысла.

При помощи указания на неоднородность описываемого объекта (общество) задается идея избранности. *«Вот уже многие годы я непрестанно ищу истину о себе и моей жизни; я знаю, что многие делают то же самое»* (не все люди ищут истину о себе и своей жизни). *«Многие религиозные деятели утверждают, что цель жизни — вести правильный образ жизни...»* (не все религиозные деятели утверждают, что цель жизни — вести правильный образ жизни).

Обычные люди *«считают, что главная цель в жизни — приобретение материального имущества»*; *«начинают сомневаться в том, что жизнь имеет смысл»*; *«не интересуются Библией или не уважают ее»*; *«ужасаются при мысли, что со смертью закончится их жизнь»*. Из этого можно сделать вывод, что существуют «иные» («многие» не есть «все», даже если максимально сближаются с ним), которые не считают, что главная цель в жизни — приобретение материального имущества; не сомневаются в том, что жизнь имеет смысл; интересуются Библией и уважают ее; не ужасаются при мысли, что со смертью закончится их жизнь.

Идея избранности («некоторые») сопровождается в тексте указанием на многочисленность Свидетелей Иеговы (именно они выступают в роли избранных). *«Узнай, как ты можешь вместе с миллионами других, уже сейчас исполняющих волю Бога, участвовать в намерении Бога для людей — вечно жить на райской Земле»*. *«Благая весть о конце этого мира и наступлении нового райского мира под управлением Царства Бога проповедуется по всему миру. Кем же? Миллионами Свидетелей Иеговы. Они проповедуют во всех странах мира»*.

Противопоставление Свидетелей Иеговы «обычным» людям имплицитно подразумевает следующие характеристики последних: они разрозненны (*«Свидетели Иеговы объединены во всемирное братство неразрывными узами любви»*), не отличаются добродетельным поведением (*«Кроме проповедования*

о Царстве Бога, Свидетелей Иеговы отличает как истинных последователей Христа их поведение»), в выстраивании отношений для них важна раса и цвет кожи («Несмотря на расу или цвет кожи, они считают своих Сосвидетелей во всех странах своими духовными братьями и сестрами»).

Говоря о людях в целом, автор не только игнорирует (умалчивает) дружеские и семейные отношения, но и представляет человека как механизм: «Мозг и тело человека изумительно сконструированы Наивысшим Конструктором»; «Также великолепно сконструированы и другие части твоего тела: нос, язык, руки, система кровообращения, пищеварительная система и многое другое».

Когда речь идет о Церкви, автор характеризует не само положение дел, а утверждение о положении дел: «Учения и дела религий христианского мира показывают, что их заявление о том, что они верят Библии и являются богобоязненными христианами, — ложь». «Подумай, например, о странах, которые утверждают, что исповедуют христианство. «Исполнителями этих преступлений были духовенство и их последователи — они все утверждали, что являются христианами». Также вместо действия говорится о попытке совершения этого действия: «Эти пророчества настолько точны, что некоторые критики пытались утверждать, хотя и безуспешно, что они были записаны после этих событий».

Этими высказываниями имплицитно выражается идея о том, что в странах христианского мира христианство не исповедуется. Данная мысль представлена и эксплицитно. В ряде случаев имплицитная информация сразу же дублируется, благодаря чему в сознании читателя фиксируется тот вывод, который читатель сделал самостоятельно. Кроме того, дублируя имплицитную информацию эксплицитно, автор страхует себя на случай иной интерпретации текста читателем.

Библия противопоставляется всем прочим книгам. Если Библия есть «Священное Писание», «богудохновенное Слово Всевышнего», то всем прочим книгам отказывается в праве называться священными: «Она на много столетий старше всех остальных книг, почитаемых за священные». «Другие же древние книги, которые считают священными, с точки зрения науки, содержат вымыслы, неточности или явную ложь». Сопоставляя Библию с религиозными книгами иных конфессий, автор определяет последние как «древние книги», чем принижается их значимость в глазах читателя: «Можно добавить, что никакая древняя книга не может сравниться с Библией по точности».

Ряд высказываний анализируемого текста содержит имплицитную информацию о том, что ранее (в прошлом; до момента речи) люди были более счастливы, нежели сейчас, не искали смысл жизни в материальном имуществе, не было «ужасного уныния», наблюдающегося сейчас. «Сегодня в западных и

восточных странах многие люди считают, что главная цель в жизни — приобретение материального имущества. Они убеждены, что тогда жизнь становится счастливой и приобретает смысл» (раньше люди не считали, что главная цель в жизни — приобретение материального имущества). «Поражает число богатых людей, настойчиво утверждающих, что они несчастливы» (раньше богатые люди не утверждали столь настойчиво, что они несчастливы). «Опросы свидетельствуют об ужасном унынии, поразившем Северную Америку...» (раньше не было этого ужасного уныния).

С другой стороны, в тексте имплицитно мыслится, что условия жизни и ранее были плохими. На протяжении человеческой истории условия жизни постоянно ухудшались, вылившись в кризис в настоящее время. «Видя, как условия становятся все хуже, многие начинают сомневаться в том, что жизнь имеет смысл». «Из-за непрекращающегося роста населения увеличивается потребность в еде, жилье и промышленности». «Повсюду наблюдается рост преступности, особенно с применением насилия». «Все меньше ценится жизнь и чужая собственность». «Страх перед преступностью вошел в повседневную жизнь».

Ухудшение условий жизни заставляет людей задуматься о смысле жизни: «Жизнь отягощают разводы, злоупотребление наркотиками, СПИД, передаваемые половым путем болезни и другие отрицательные обстоятельства. И руководители мира не в состоянии разрешить все эти многочисленные проблемы, обрушившиеся на человеческую семью. Поэтому вполне понятно, что люди спрашивают: “В чем же смысл жизни?”». При этом в тексте имплицитно указываются две тенденции. Все больше людей отворачивается от веры в Бога: «Видя такое изобилие точек зрения в религиозном мире, многие люди приходят к выводу, что, в сущности, нет разницы, во что верить». Однако речь в тексте идет не столько о факте отсутствия веры, сколько о возможности начала сомнения: «Многие начинают сомневаться, в том, что жизнь имеет смысл». В то же время, отмечается, что все больше людей пытаются выяснить, в чем смысл жизни: «Вот уже многие годы я непрерывно ищу истину о себе и моей жизни; я знаю, что многие делают то же самое. Сегодня, как никогда, много людей задает вопросы: “Кто мы?”, “Каково наше предназначение?”». При этом указывается, что все попытки найти ответ были бесплодными: «Мы по-прежнему стоим перед вопросами: кто мы, зачем мы здесь и каково наше будущее». «В размышлениях человека... о его месте во вселенной, мы не намного продвинулись по сравнению с началом».

Еще один интересный пласт имплицитной информации касается эволюции научных взглядов. Среди возможных импликаций есть предположение, что в скором будущем положение о случайном возникновении жизни будет отвергнуто: «Вся система общепринятой биологии все еще

придерживается мнения, что жизнь возникла случайно». «Те, кто по-прежнему догматично защищают взгляд, что вся существующая действительность — только результат случая, на самом деле, верят в миф».

Будущего у человеческой истории нет; настоящее время определяется в тексте как *«последние дни»*. Однако будущее в тексте все же прорисовывается, причем очевидная его противопоставленность времени настоящему порождает целый букет импликатур, позволяющих более детально прорисовать модель настоящего времени. Переход от этого мира к миру новому есть *«избавление от несправедливости, болезней, страданий и смерти»*.

Обращает на себя внимание то, что в будущем времени жизнь не будет омрачена негативными причинами: *«Какая же это великая перспектива — вечно жить на райской Земле без зла, преступлений, болезней, горя и боли!»* *«Отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»*. *«Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь»*. *«Ни один из жителей не скажет: “я болен”»*.

В тексте имплицитно содержится информация о страхе одних людей перед другими (помимо преступности речь идет об эксплуатации): *«Будут строить дома и жить в них... Не будут строить, чтобы другой жил, не будут насаждать, чтобы другой ел... Избранные Мои долго будут пользоваться изделием рук своих. Не будут трудиться напрасно и рождать детей на горе»*. *«Каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею, и никто не будет устрашать их»*.

В сумме эти высказывания (и подобные им) имплицитно указывают на наличие зла, преступлений, болезней и т. п. в настоящем времени. Важно отметить, что в тексте довольно отчетливо прослеживается мысль о неспособности человека самостоятельно справиться с этими проблемами. Решение этих проблем возможно только путем вмешательства высшей силы: *«Человечеством больше никогда не будут управлять продажные формы правления: Бог положит конец этой системе, и независимое от Бога человеческое правление больше никогда не будет существовать»*.

В тексте содержится скрытая информация о том, что сам читатель не живет в соответствии с намерением Бога. *«Очень важно узнать нашу роль в намерении Бога. Тогда мы сможем выбрать: жить ли нам в соответствии с его намерением или нет»*. *«Когда мы об этом узнаем, мы сможем использовать свой удивительный мозг и тело, дарованные нам Богом, для выполнения нашей цели в жизни»*. *«Освободись от лицемерных религий, которые учат и поступают не в согласии с Библией»*.

Анализ пространственных отношений показал наличие в языковой картине мира автора двух четко противопоставленных миров: [обычной] земли

(пространственный параметр «здесь») и земли райской (пространственный параметр «там»). В картине [обычной] Земли, нарисованной автором, выделяются два уровня. С одной стороны, «вокруг себя по всей земле» наблюдаются «великолепные конструкции», «начиная с животных и кончая мельчайшей живой клеткой», «изящество и гениальность самого высокого класса». С другой стороны, «во всем мире свыше одного миллиарда людей тяжело больны и недоедают», «повсюду наблюдается рост преступности, особенно с применением насилия». Здесь постоянно одни народы завоевывают, порабащают и угнетают другие. На райской же земле нет «зла, преступлений, болезней, горя и боли».

Описание [обычной] земли дается в первой половине текста, описание райской земли — во второй половине. Противопоставление «здесь» — «там» можно описать в дихотомии «беспорядок» («беспорядок на Земле») — «порядок» («Бог порядка»). Дихотомия эта касается только социума: с одной стороны, голод и болезни, войны и рост преступности; с другой, отсутствие болезней, отсутствие насилия и войн, изобилие и вечная жизнь.

Проведенный анализ подтвердил эффективность предложенного в работе принципа выявления скрытых компонентов смысла высказывания. Несомненно, реферируемое исследование не исчерпывает всей глубины поставленной проблемы. Расширение предложенной модели возможно, на наш взгляд, на примере вопросительных и императивных, осложненных и сложных высказываний.

В **заключении** кратко сформулированы выводы и подведены итоги диссертационного исследования.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих **публикациях**:

1. Хворостин, Д. В. Речевое влияние путем латерального программирования психики / Д. В. Хворостин // Студент и научно-технический прогресс : тез. докл. XXVI студ. науч. конф. — Челябинск, 2003. — С. 59-60.

2. Хворостин, Д. В. Неассертивные компоненты смысла высказывания как средство корректировки языковой картины мира / Д. В. Хворостин // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы II междунар. науч. конф. — Челябинск, 2003. — С. 203-205.

3. Хворостин, Д. В. Деструктивное воздействие средств массовой коммуникации на молодежь / Д. В. Хворостин // Молодежь в культуре и науке XXI века : материалы третьей науч. конф. молодых ученых, аспирантов и соискателей. — Челябинск, 2004. — С. 276-279.

4. Хворостин, Д. В. Использование теории пределов при объективации неассертивных компонентов смысла высказывания / Д. В. Хворостин // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : материалы X междунар. научн.-практ. конф. — Иркутск, 2005. — Ч. 2. — С. 455-460.

5. Хворостин, Д. В. Объективация неявных форм проявления речевой агрессии / Д. В. Хворостин // Речевая агрессия в современной культуре : сб. науч. тр. — Челябинск, 2005. — С. 41-44.

6. Хворостин, Д. В. Информация как вирус / Д. В. Хворостин // Актуальные проблемы современной лингвистики : материалы Всерос. науч. конф. — Ростов-н/Д., 2005. — С. 198-203.

7. Хворостин, Д. В. Максима количества информации и логика наименования / Д. В. Хворостин // Языки профессиональной коммуникации : материалы II междунар. науч. конф. — Челябинск, 2005. — С. 94-97.

8. Хворостин, Д. В. Основания логики времени / Д. В. Хворостин // Третьи Лазаревские чтения : Традиционная культура сегодня : теория и практика : материалы Всерос. науч. конф. : в 3 ч. — Челябинск, 2006. — Ч. 2. — С. 398-402.

Подписано в печать 24.05.06.
Бумага офсетная. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 1,11. Уч.-изд. л. 1,23.
Тираж 150 экз. Заказ № 24.

Челябинское ЦНТИ
454000, г. Челябинск, ул. Труда, 157